

ГЕРМАН ЛУКЬЯНОВ: ГОРЯЧИЙ ЛЁД

Лукиянов — знаковая фигура отечественного джаза. Композитор, пианист, трубач (впрочем, отказавшийся от привычных трубы и флюгельгорна — сейчас он играет на сконструированных им самим инструментах — двойной цуг-флейте и медном альтгорне: внешне — невероятно сложном переплетении трубок и клапанов, напоминающем живописные фантазии Пикассо, Леже или Дали; по тембру — высокий тромбон, а по диапазону — не существующий в природе инструмент между валторной и тромбоном). Несколько лет назад Герман поменял свою московскую квартиру на дом в Подмоскowie и сейчас живет в экологически чистой местности на берегу Истринского водохранилища, наслаждаясь свежим воздухом и собирая грибы. Услышать его в столице стало сложно. Тем интереснее было попасть на концерт Лукьянова и его нынешней группы "Каданс-миллениум", проведенный в Центральном Доме Художников (19 июня).

Седая голова мэтра резко выделялась на фоне молодых лиц его музыкантов. Исполнителей он собрал замечательных. Лучший пианист нового поколения (а иногда еще и ударник) Яков Окунь, виртуоз барабанов Александр Машин, поэтичный басист Антон Ревнюк, два изобретательных саксофониста-флейтиста — Сергей Головня и Антон Залетаев и совсем новый человек в "Кадансе" (это было его первым выступлением в группе) — музыкант с редкой фамилией! — Михаил Спасибо (теноровый тром-

бон). Аранжировки написаны так, будто это не малый состав, а большой оркестр. Лукьянов умело комбинирует тембры, создавая видимость плотного многозвучия. В отдельных эпизодах "Каданс" подобен биг-бэнду с мощными тутти и даже перекличками групп. Сочетая голоса флейт, меди, саксофонов, роаяля, баса Лукьянов добивается необычайно звучащих сочетаний, открывает удивительные оркестровые краски — чаще всего глуховатые, вязкие, густые. Мелодические линии в его композициях, как правило, заострены, угловаты, скачкообразны; некоторые почти атональны, как у Шёнберга или Веберна — своего рода "джазовый Пикассо". Сама музыка уравновешенна, красива, ритмически упруга — хотя дело никогда не доходит до экстазного упоения ритмом. Эмоции тут всегда под контролем ratio: горячий лёд. Логика формы, её стройность — этот абсолют красоты воплощает в себе ясность и разумность искусства Лукьянова. Он играет музыкальными элементами, как дети кубиками или жонглёры шляпами: если в теме встречается характерная попевка или заметный ритмический рисунок — Герман будет их подчеркивать, обострять, разобьет на более дробные фрагменты, проведет в зеркальном отражении, в противодвижении. Это образец композиционного джаза: перед музыкантами стоят на попирках нотные партии. Всё продумано, рассчитано. Правда, глаза постоянно опущены, исполнители смотрят в ноты, а не на слушателей; жестов

тоже минимум. Оркестр предельно статичен...

Программа состояла преимущественно из композиций самого Лукьянова и нескольких тем классики джаза. Начали с "Чарующего ритма" Гершвина: унисон альт- и тенор-саксофонов, которым "отвечают" альтгорн и тенор-тромбон; мелодическая линия унизана колкими напластованиями секунд и септим. Богатые на выдумку соло Головни и Окуня — сначала певучие, прозрачные по тону, потом более "нервные", обостренные, а на пике звучания — жесткие, страстные, "рваные"...

Две композиции in memory: "Вспоминая Диззи" и "Черным по белому". Первая посвящена Диззи Гиллеспи (Герман сыграл с великим трубачом в 1990 году на сцене зала "Россия"; Диззи, помнится, тогда весьма удивился, рассматривая хитрые приспособления, добавленные Лукьяновым к трубе...). Вторая — пианисту Телониусу Монку, одной из наиболее загадочных фигур эпохи би-бопа, музыканту с колкой, гармонически изощренной манерой игры. Оба в своё время в значительной степени повлияли на Лукьянова — Гиллеспи в динамике и напоре, в виртуозном владении "стратосферой" трубы, Монк — в сложной аккордике. Впрочем, Лукьянов играет обе пьесы неспешно, ровно без особых эффектов — это скорее звуки памяти, человеческая речь, слово о великих музыкантах... Образ Монка интересно создает и Яков Окунь: мир хаоса, небрежно набросанных ритмо-мелодических

Рос. муз. газета - 2002 -
№ 7-8 - с. 9

фрагментов, постепено упорядачивающийся; полиритмические узоры, мелодические фейерверки, тончайшие красочные диссонансы — или грубые аккорды-удары, аккорды-мазки — всё это как бы сходится в одну точку.

А несколько раз музыка неожиданно становится весело шебечущей, "порхающей", пронзительно посвистывающей: в лукьяновских композициях "Три птицы и хорошая погода" и "Год черной лошади" на передней линии — три флейты. Сам Герман играет на двухствольной цуг-флейте; Сергей Головня и Антон Залетаев — на обычных инструментах, в то время, как пианист Яша Окунь перемещается к набору ударных, в котором есть настоящий африканский там-там. Музыка леса, полей, лугов — вообще природы, легкая, мечтательная, остро образительная — всех этих нежно воркующих птишек, иногда словно пикирующих с заоблачной высоты вниз, просто видишь...

В середине программы (во время исполнения композиции Телониуса Монка "Бемша свинг") — неожиданность: Лукьянов свинчивает у своего альтгорна раструб, заменяя его другим, более узким по диаметру; естественно меняется и тон, становясь более мощным, "валторно-

вым". Звучание группы тут же стало напоминать знаменитую "девятку" Майлса Дэвиса 1949 года или "импрессионистский" оркестр канадца Гила Эванса 50-х годов времен "Miles Ahead" (обширная медная группа, два саксофона, флейты, бас, ударные).

Народу в зале было не так много — пришли самые верные поклонники таланта Германа. Но аплодисменты были продолжительными, искренними и горячими. Ведь Лукьянов и правда один из наиболее оригинально мыслящих отечественных джазменов. Его эстетика и корни его стиля не только американские (Монк, Майлс Дэвис, Колтрейн), но и русские (Прокофьев, Стравинский, народная песня). Чем Герман нам и ценен.

Аркадий Петров

Герман Лукьянов

147-81021